

О ХАРАКТЕРЕ РАБСТВА ВО ФРАКИИ VII—V вв. до н.э.

Анализ развития рабовладения у различных племен и народов дает сведения для конкретно-исторического исследования закономерностей путей перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу и государству.

Интересный пример этого перехода дают фракийские племена. Занимавшие в античное время обширные пространства Юго-Восточной Европы от Вардар-Моравского бассейна на западе до побережья Черного и Мраморного морей на востоке, от северных склонов Карпат на севере до Эгейского моря на юге, они играли существенную роль в экономической и политической жизни всего orbis terrarum.

Особое внимание привлекают южнофракийские племена, у которых сравнительно рано для европейского племенного мира, уже в середине V в. до н. э. возникло Одрисское государство, получившее свое название по имени крупного и развитого фракийского племени — одрисов, ставшего во главе его.

Вопрос о рабовладении во Фракии оживленно обсуждался и обсуждается на страницах исторической печати. В то время как в одних работах с большей или меньшей категоричностью пишут о крупных рабовладельцах во Фракии периода Одрисского царства V — IV вв. до н. э., использующих в больших масштабах рабский труд, и вообще о преимущественно рабовладельческой экономике страны¹, в других подчеркивается ведущая роль свободного крестьянства в производстве Фракии, находившегося в зависимости от родовой знати и правителей, а рабовладению при этом отводится незначительная роль²; в-третьих, отмечают, что большинство фракийских племен не имели рабов, находились на стадии расцвета первобытнообщинного строя, что лишь некоторые из них (одрисы) достигли в своем развитии стадии возникновения союза племен и патриархального рабства³. Такие различия во мнениях по кардинальному вопросу раннефракийской истории объясняются не только расхождением в трактовке источников, но и в оценке роли рабовладения в историческом развитии европейских племен вообще и фракийцев в частности. Представители полярных мнений исходили из одной и той же предпосылки, что возникающее государство должно быть обязательно рабовладельческим. Поэтому те из них, кто увидел в письменных источниках указание на слабый уровень развития рабовладения, неизбежно пришли к заключению о существовании первобытного строя у фракийцев; другие же, кто обратил внимание на высокий уровень развития экономики Фракии и глубокие имущественные различия в ее обществе, увидели в этих явлениях указание на эксплуатацию и классовую дифференциацию и, следовательно, на наличие рабовладения.

При решении этой проблемы наиболее приемлем тот путь, который ведет от изучения конкретных социальных и экономических явлений к общим заключениям о характере общества в целом⁴.

¹ Д. П. Димитров, Един нов паметник за антично робство в римска Тракия, София, 1949, стр. 10; Хр. М. Данов, Към история на робството в древна Тракия, «Исторически преглед», 1949, № 3—4, стр. 410; Ат. Милчев, Социально-икономическият и обществено-политическият строй на траките, «Исторически преглед», 1950, № 4—5, стр. 534; в книге «История на България», София, 1961, раздел «Одриско царство», охватывающий V в. до н. э., помещен в главе «Рабовладельски строй».

² Хр. Данов, Юго-източна Тракия по сведенията на Ксенофонт, «Известия на Института за българска история» (далее — ИИБИ), София, 1951, № 3—4, стр. 299—300; он же, Древна Тракия, София, 1969, стр. 290—292; «История Болгарии», М., 1954, стр. 23; Б. Геров, Проучвания върху поземлените отношения в Тракия и Мизия през римската епоха, «Годишник на Софийския университет» (далее — ГСУ), Филологически факултет, Л. 2, 1955, стр. 20; «История на България», София, 1961, стр. 24; В. Велков, Робството в Тракия и Мизия през античността, София, 1967.

³ С. Мулешков, Обществено-икономическият строй на траките от VIII до IV в. пр. н. э., ИИБИ, 1951, № 3—4, стр. 165.

⁴ К. К. Зельин обратил особое внимание историков на необходимость учитывать специфику социально-экономических отношений исследуемых обществ, выясняя, какие из этих отношений играли определяющую роль в производстве (Принципы морфологической классификации форм зависимости, ВДИ, 1967, № 2, стр. 7—30).

Сведения о рабах во Фракии VII — V вв. настолько малочисленны и фрагментарны, что очень затруднительно проследить эту социальную категорию фракийского общества в ее динамике. Положение осложняется еще и тем, что источники по раннему «доодрисскому» периоду (VII—VI вв. до н. э.) и более позднему, одрисскому (V в.), не равноценны.

Свидетельства о рабах во Фракии конца VII—VI вв. ограничены несколькими строками поэтических произведений и не могут восприниматься как исторический источник без предварительного их разбора.

Наиболее ранние сведения о рабах у фракийцев мы встречаем в гомеровском эпосе. Впервые они были введены в научный оборот Хр. Дановым, увидевшем в этом источнике ценный материал для выводов по истории рабовладения во Фракии⁵. В отличие от него В. Велков с большой долей сомнения относится к возможности использовать данные Гомера для получения каких-либо сведений о рабах у фракийцев⁶. Следует, однако, привести некоторые соображения, допускающие, как нам кажется, использование гомеровских сведений о рабах во Фракии. Прежде всего надо обратить внимание на общие соображения исследователей данных гомеровского эпоса, относящихся ко Фракии. Они приходят к заключению, что сведения о фракийцах-киконах вообще и те из них, которые содержат, в частности, материалы о рабах (т. е. Od. IX, 39—61 и 196—210) относятся ко времени жизни Гомера⁷, т. е., принимая во внимание современное состояние гомеровского вопроса, к рубежу VII и VI вв. до н. э.⁸. Такая датировка фракийских материалов Гомера очень повышает их ценность: в этот период Эгейская Фракия находилась в центре политических устремлений афинского тирана Писистрата, вдохновляемых богатством фракийских рудников, и в песнях, вероятно, нашла отражение богатая новыми сведениями картина жизни фракийцев. К этим общим мнениям о ценности фракийских материалов эпоса надо присоединить и очень интересный вывод Я. А. Ленцмана, касающийся уже самой проблемы рабовладения. Он полагает, что в отличие от данных эпоса о рабах в хозяйствах крупных басилевсов, сохраняющих древние традиционные, носящие застывший стандартный характер сведения, описания рабов вне царского хозяйства, в хозяйствах просто богатых людей, близких исторической действительности времени жизни Гомера. Они не носят следов стандартных эпических повторений, а представляют собою самостоятельные части творчества поэта. В качестве примера описания этого последнего типа Я. А. Ленцман прежде всего и приводит хозяйство фракийца Марона⁹. Эта особенность гомеровских сведений о рабах в нецарских хозяйствах, так же как датировка тех из них, которые относятся к фракийцам, делают совершенно излишним скептическое отношение В. Велкова к использованию данных эпоса по исследуемому вопросу¹⁰.

⁵ Chr. D a n o v, Social and economic Evolution of the ancient Thraciens, «Études historiques», т. 1, Sofia, 1960, стр. 10.

⁶ В е л к о в, Робство..., стр. 17.

⁷ E. B e t h e, Die Sage vom Troischen Kriege. Homer. Dichtung und Sage, Bd. III, 3, стр. 64; W. H e l b i g, Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert, 1887, стр. 11; W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, Ilias und Homer, B., 1922, стр. 62—64; Г. Кацаров, Тракия и Омировия эпос, «Известия на историческото дружество в София», кн. XI—XII, 1931—32, стр. 134; Хр. Д а н о в, Към историческия облик на древна Тракия, ГСУ. Истор.-филологически факултет, т. XL, 1943—44, стр. 4; Д. П. Д и м и т р о в, Материалната култура и изкуството на траките през ранната еллинистическа епоха, «Археологически открития в България», София, 1957, стр. 69.

⁸ А. Ф. Л о с е в, Гомер, М., 1960, стр. 65—72.

⁹ Я. А. Л е н ц м а н, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 248 сл.

¹⁰ В е л к о в, Робството..., стр. 17. Обосновывая отрицательное отношение к источнику, В. Велков ссылается на ту же работу Я. А. Ленцмана, однако явно ошибочно оперирует при этом выводами только о царских хозяйствах, игнорируя те, которые сделаны Я. А. Ленцманом по отношению к хозяйствам просто богатых людей. Между тем именно к последним следует отнести хозяйство кикона Марона. Впрочем, в конце своего критического абзаца и В. Велков совершенно неожиданно говорит о возможности допустить, что данные Гомера все же отражают до известной степени уровень развития рабовладения у киконов (там же, стр. 17).

Обратимся к тексту Одиссея. Как известно, попав во время своих скитаний к киконам и разрушив их город Исмар, Одиссей и его спутники пощадили жреца киконов — Марона с семьей из уважения к его сану. За это Марон награждает Одиссея дорогими подарками, среди которых было также 12 амфор драгоценного крепкого вина:

«... ни из слуганок,
Ни из рабов о вине том никто в его доме не ведал,
Кроме его самого, супруги и ключницы верной»¹¹.

Эти слова поэмы восприняты Хр. Дановым как доказательство существования у Марона как домашних, так и работающих в поле слуг, униженных до положения рабов¹². Обратимся, однако, к терминам, употребленным в данном случае. Для обозначения рабов здесь фигурируют термины $\delta\mu\omega\varsigma$ и $\alpha\mu\phi\iota\pi\omicron\lambda\omicron\varsigma$. Первый из них — $\delta\mu\omega\varsigma$ — применяется по отношению к людям, попавшим в рабство чаще всего в результате пленения в бою¹³. Рабский статус людей, обозначаемых в гомеровском эпосе термином $\delta\mu\omega\varsigma$, в последнее время не вызывает сомнения. О них в поэмах обычно говорится наравне с имуществом — золотом, медью, скотом и т. п. (Il. XXIII, 549 сл.), как об объекте грабежа, покупки или передачи в наследство (Il. XVIII, 28; Od. I, 398; Od. XIV, 115; Od. IV, 736 и др.); они противопоставляются фетам как несвободные люди¹⁴.

Таким образом, данные гомеровского эпоса свидетельствуют об обращении пленников в рабство, причем речь идет об обращении в рабов мужчин ($\delta\mu\omega\varsigma$) — свидетельство того, что фракийцы уже миновали стадию убийства пленников и что превращение мужчин-пленников в рабов «было уже признанным институтом»¹⁵.

Второй из употребленных в эпосе терминов — $\alpha\mu\phi\iota\pi\omicron\lambda\omicron\varsigma$. Анализ этого термина привел к выводу о том, что он обозначает в эпосе рабынь, но более приближенных к своим господам (они чаще всего горничные, служанки и т. п.), чем они и отличаются от безликой массы рабынь — $\delta\mu\omega\alpha\iota$. Впрочем, в зависимости от того, какую роль женщины-рабыни играли в том или ином эпизоде, одни и те же лица назывались то $\alpha\mu\phi\iota\pi\omicron\lambda\omicron\varsigma$, то $\delta\mu\omega\alpha\iota$. Во всех случаях и те и другие фигурируют как несвободные¹⁶. Строфа из Od. IX, 206 весьма показательна в этом отношении, так как здесь рабы-мужчины ($\delta\mu\omega\varsigma$) [скорее всего противопоставляются рабыням-женщинам ($\alpha\mu\phi\iota\pi\omicron\lambda\omicron\varsigma$).

Гомер дает некоторые возможности для решения (хотя бы в самых общих чертах) вопроса о формах применения рабов во фракийском обществе.

Применение труда разных категорий рабов в гомеровском эпосе вообще ограничено, как известно, скотоводством (пастухи), работами по дому (колют дрова, запрягают лошадей и т. п.), они используются в качестве гребцов. В земледелии их труд применяется только в садоводстве (и то об этих работах упомянуто в поздних частях Одиссея): на полях работают только свободные земледельцы (крестьяне или феты)¹⁷. Что касается рабынь, то их участие в производительном труде еще меньше — это главным образом работы по дому и уход за господами, а также прядение и ткачество. Вывод об ограниченности применения рабского труда в гомеровской Греции (XI—VIII вв. до н. э.) приложим, видимо, и к Фракии. Разница заключается не в качественных показателях развития рабства, а в хронологических рамках — данные эпоса о киконах соответствуют, как упоминалось выше, его самым поздним слоям, отражающим конкретно-историческую обстановку конца VII — начала VI в. до н. э. Рабы у жреца Марона, как кажется, по своим функциям ничем не отличаются от рабов в других нецарских хозяйствах. Весьма краткое упоминание о них все же дает некоторое основание связать их функции с работами по дому ($\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\chi\omicron\phi$). Текст Одиссея не дает оснований говорить об использовании (даже у киконов — этого сравнительно развитого южнофракийского

¹¹ Гомер, Одиссея, пер. В. Вересаева, песня IX, 205—207, М., 1953.

¹² Данов, ук. соч., стр. 10.

¹³ Ленцман, Рабство..., стр. 237—242, 247—251.

¹⁴ Там же, стр. 241.

¹⁵ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 105.

¹⁶ Ленцман, Рабство..., стр. 242—244.

¹⁷ Там же, стр. 244, 251, 264 сл.

племени) рабского труда в основной сфере производственной деятельности фракийцев — в земледелии¹⁸.

Таким образом, данные наших ранних источников о рабах во Фракии в конце VIII—VI вв. до н. э. указывают на случаи превращения не только женщин, но и мужчин-пленников в рабов; однако применение рабского труда в производстве было весьма незначительным, ограничиваясь главным образом работами по дому и сферой обслуживания знати.

Другим источником по исследуемому вопросу может служить эпод, часто приписываемый понтийскому лирику Архилоху¹⁹. Первая часть его обычно приводится для доказательства существования рабов у фракийцев. Датировка описываемых событий зависит от того, признавать ли это стихотворение творчеством Архилоха или же, как это принято в некоторых новых изданиях греческих лириков, творчеством Гиппонакта²⁰. В первом случае они должны быть отнесены к середине VII в. до н. э., во втором — к середине VI в. до н. э.²¹. Но как бы то ни было, это подлинное произведение, относящееся к исследуемому нами времени.

Несмотря на то, что события, описываемые в нем, носят характер враждебного пожелания, нет сомнения, что возможность подобного происшествия вполне допустима. В античной литературе подобные события описываются неоднократно²². Ценность

¹⁸ Нам представляется, что высказанная Хр. Дановым мысль о полевых рабочих (field workers) Марона, униженных до положения рабов (status of slavery), является преувеличением (см. D a n o v, ук. соч., стр. 10).

¹⁹ *Antologia Lyrica Graeca*, ed. E. Diehl, fasc. 3, Lpz, 1952, стр. 34—35, № 79a. Текст стихотворения в переводе В. В. Вересаева звучит так:

«Пускай близ Салмидесса ночью темною
Взяли б фракийцы его
Чубатые — у них он настрадался бы,
Рабскую пищу едя.
Пусть взяли бы его — заочевшего,
Голого, в травах морских,
А он зубами, как собака, ляскал бы,
Лежа без сил на песке
Ничком, среди прибои волн бушующих.
Рад бы я был, если бы так
Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал, —
Он, мой товарищ былой».

(«Эллинистские поэты», М., 1963, стр. 210, № 26).

²⁰ Как известно, наш эпод был найден только в конце XIX в. в библиотеке Страсбургского университета и впервые опубликован в 1899 г. Его принадлежность Архилоху уже тогда не казалась бесспорной. И в настоящее время многие крупные исследователи античной поэзии считают автором этого стихотворения не Архилоха, а Гиппонакта (*Archiloque. Fragments. Texte établi par F. Lasserre, traduit et commenté par A. Bonnard, P.*, 1958, стр. XCI; C. M a s s o n, *Les fragments du poète Hipponax, P.*, 1962; G e r h a r d, *RE*, s. v. *Hipponax*, стб. 1891—1894; «Эллинистские поэты», М., 1963, стр. 381). В этом научном споре, где главным аргументом является метрика стиха, мы склонны быть на стороне тех, которые считают эпод творчеством Гиппонакта: термин *δοῦλον ἄρτον*, употребленный в нем, не характерен для лирической поэзии VII в. до н. э. (Я. А. Л е н ц м а н, *Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции*, ВДИ, 1954, № 4, стр. 65) и скорее мог быть применен в VI (т. е. во времена Гиппонакта), чем в VII в. до н. э. (т. е. во времена Архилоха).

²¹ В настоящее время можно считать установленным, что расцвет творчества Архилоха падает на 40-е и 50-е гг. VII в. до н. э. (F. Y a s o b y, *The Date of Archilochos*, «The Classical Quarterly», vol. XXXV, oct. 1941, № 3, 4, стр. 97 сл.; F. L a s s e r r e — A. B o n n a r d, *Archiloque, P.*, 1950, стр. VIII; J. P o u i l l o u x, *Archiloque et Thasos: histoire et poésie*, «Entretiens sur l'antiquité classique», т. X: *Archiloque*, стр. 7—11; Fr. S a l v i a t e t N. W e i l l, *Un plat du VII siècle à Thasos*, BCH, 84, 1960, стр. 383, прим. 1). Даты жизни Гиппонакта устанавливаются на основании текста Плиния (NH, XXXVI, 11) и *Marmor Parium*, ep. 42 (см. *Hipponax, RE*, s. v., стб. 1890—91).

²² Хронологически самое близкое из них к нашему тексту, пожалуй, у Эсхила в «Прикованном Прометее» (738—741):

приведенного стихотворения для нашей темы заключается в упоминании о пленении и страданиях, связанных с голодом, рабской пищей — *δοῦλον ἄρτον*. Под этим выражением, конечно, надо понимать не указание на определенный рабский статус, а признак потери свободы вообще, подобно тому как выражением *δοῦλον ἡμῶν* обозначается в гомеровском эпосе это печальное состояние²³. Некоторые исследователи, ссылаясь на Архилоха, говорили о том, что фракцийцы убивали своих пленных, в чем видели доказательство расцвета у них первобытнородовых отношений²⁴. Другие, наоборот, усматривают здесь свидетельство использования фракцийцами рабов в производстве²⁵. На основании этого же текста иногда делается вывод о том, что тяжелая участь ожидала пленников в результате продажи их фракцийцами в рабство в другие страны²⁶.

Текст эпода не дает сведений для окончательного решения вопроса об использовании труда рабов у фракцийцев. Однако, как это было отмечено В. Велковым²⁷, он дает достаточно оснований считать, что чужеземцев, попавших в плен к фракцийцам, обращали в рабов. При иной трактовке фраза о страданиях пленников от рабской (resp. — очень плохой) пищи была бы совершенно бессмысленной.

В свете того, что говорилось выше о происхождении термина *δμῶες*, употребленном в Одиссее для обозначения рабов у киклонов, такая трактовка сведений Архилоха (Гишпонакта) приобретает большую достоверность. Перед нами два свидетельства об источниках рабства во Фракии — пленение в бою или пиратами (в данном случае — береговое пиратство).

Более поздние источники (V в. до н. э.), имеющие отношение к проблеме рабства во Фракии, также очень скудны. Свидетельство Геродота (Herod., V, 6) ограничивается одним высказыванием о том, что «у прочих²⁸ фракцийцев существует обычай продавать своих детей на чужбину». Это сообщение не может быть понято иначе, как свидетельство о продаже в рабство свободных фракцийцев (в данном случае детей свободных фракцийцев) своими соплеменниками (в данном случае — родителями). Этот пассаж Геродота, как уже было замечено С. Мулешковым²⁹, не дает оснований для утверждения об использовании рабов внутри Фракии³⁰. Геродот подчеркивает, что речь идет о продаже рабов на чужбину (*πωλεῖσι τὰ τέκνα ἐπ' ἑξωτερῶν*). Таким образом, перед нами свидетельство того, что Фракия была резервуаром рабской рабочей силы для античного мира — явления, столь ярко проявившегося в последующие эпохи.

Оно чрезвычайно важно и с другой точки зрения. До сих пор, основываясь на эпосе и Архилохе (Гишпонакте), можно было говорить только о внеэкономических способах обращения в рабство, заключающихся в пленении во время войн или пиратских набегов. Геродот указывает на качественно иной источник рабства, носящий явно характер экономического принуждения: продажа детей в рабство родителями могла быть вызвана их обнищанием. Этот процесс, явившийся следствием разложения общины и поляризации общества, связан с внутренними путями развития фракцийцев.

«.....Отмель там

Опаснейшая, челюсть Салмидесская.

Страх кораблей, пловцов дрожащих мачеха». См. также X e n., Anab.

VII, V, 13; Strab., VII, VI, 1; Dio d., XIV, 37, 3.

²³ Л е н ц м а н, Рабство..., стр. 244.

²⁴ М у л е ш к о в, ук. соч., стр. 161; Д а н о в, Към историята на робството в древна Тракия, стр. 407; М и л ч е в, ук. соч., стр. 534.

²⁵ Возможно, так воспринимают текст Архилоха Д. П. Димитров, отмечая, что еще до середины I тыс. патриархальное рабство начало уступать широкому применению рабского труда в производстве (Един нов паметник..., стр. 10) и Т. В. Блаватская (Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 17—18).

²⁶ Определенно в этом смысле высказался С. Я. Лурье (Демокрит, М., 1937, стр. 18). Кажется, так думал и В. Велков (Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel während der Antike, «Études balkaniques», I, 1964, стр. 126).

²⁷ В е л к о в, Робството..., стр. 18.

²⁸ Речь идет обо всех остальных фракцийцах, кроме гетов, травсов и фракцийцев, живущих над крестонами.

²⁹ М у л е ш к о в, ук. соч., стр. 160.

³⁰ М и л ч е в, ук. соч., стр. 534.

Очень важен для исследуемого вопроса источник конца V в. до н. э. — «Анабазис» Ксенофонта. Его сведения о юго-восточной Фракии представляют собой целую энциклопедию жизни страны, написанную наблюдательным и осведомленным очевидцем³¹. Фиксируя события и социально-экономические отношения эпохи Одрисского царства, Ксенофонт особенно ценен для нас, так как дает некоторую возможность проследить состояние рабства в эпоху, более позднюю, чем отраженная в разобранных выше источниках.

Для изучения рабства во Фракии, по Ксенофону, существенно уже то, что упоминания о рабах очень ограничены. По терминологическому принципу их можно разделить на три группы. В первой из них фигурирует термин $\pi\chi\acute{\iota}\varsigma$. Смысловое содержание этого термина ясно из контекстов. В первом случае (Anab. VII, III, 20) рассказывается, что Ксенофонт почувствовал себя в затруднительном положении, когда ему посоветовали сделать богатые подарки фракийскому царю, так как он приехал во Фракию, имея при себе всего-навсего одного юношу ($\epsilon\acute{\iota} \mu\grave{\eta} \pi\chi\acute{\iota}\delta\alpha$) и деньги только на дорожные Расходы». Речь идет здесь о молодом человеке, взятом Ксенофонтом с собой, по-видимому, для личного обслуживания в качестве слуги, так как трудно предположить какое-либо иное применение одного слуги при военачальнике, не занимающемся ничем иным, кроме войны. Бесправное положение этого слуги бесспорно — Ксенофонт предполагает его подарить Севту. Это же значение имеет слово $\pi\chi\acute{\iota}\varsigma$ в другом отрывке (Anab. VII, III, 26—27), в котором рассказывается о подарках, полученных Севтом на пиру от фракийцев: коне, рабе и одеждах для жены царя. Все три подарка, безусловно, носят характер подношения для личного пользования членов семьи фракийского царя; об этом прямо говорит, введя коня, первый из приносящих дары: «Пью за твоё здоровье, Севт, и даю тебе этого коня; на нем ты догонишь всякого, кого захочешь, а при отступлении ты можешь не бояться врага». Введший за ним юношу ($\pi\chi\acute{\iota}\varsigma$) «подарил его таким же образом, выпив за здоровье Севта». Рабский статус человека, подаренного царю, также не подлежит сомнению. Таким образом, упоминания о рабах-пайдах в главах «Анабазиса», касающихся Фракии, указывают на использование этой категории для личных услуг господину³².

Вторая группа сведений упоминает рабов-андраподов ($\alpha\upsilon\delta\rho\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\omicron\nu$). Изучению значения этого термина в античной литературной традиции уделялось немало внимания, в частности в сравнительно новых работах советских ученых, предпринятых в связи с изучением античного рабства вообще. Несмотря на существенные расхождения во мнениях исследователей по вопросу о значении этого термина после IV в. до н. э., их выводы, касающиеся его значения в более ранний период, совпадают. Так, отмечается, что античные лексикографы поясняют это слово и все производные от него при помощи слова «пленный» и его производных³³. Существенно отметить, что оба крупнейших историка V века употребляют этот термин для обозначения попавших в плен людей, бывших в момент пленения как свободными, так и рабами. Это ощущается и в указанном месте у Геродота (III, 125—129)³⁴ (где в число андраподов попадают в результате пленения явно свободные чужеземцы из свиты Поликрата) и особенно у Фукидида (VIII, 28, 4), который прямо говорит, что после захвата города $\alpha\upsilon\delta\rho\acute{\alpha}\lambda\omicron\delta\alpha$ стали как рабы, так и свободные.

³¹ Д а н о в, Юго-восточная Тракия..., стр. 298; S. C a s s o n, Macedonia, Thrace and Illyria, Oxf., 1911, стр. 167.

³² Употребление слова $\pi\chi\acute{\iota}\varsigma$ в смысле «раб», «молодой раб» у древних авторов достаточно распространено, что обычно и отмечается в специальных работах по вопросу об античном рабстве (W. L. W e s t e r m a n n, Sklaverei, RE, Supplbd. VI, 1935, стб. 902; Я. А. Л е н ц м а н, Термины, обозначающие рабов, в древнегреческом языке, ВДИ, 1951, № 2, стр. 48, 49, 51; Э. Л. К а з а к е в и ч, Рабы, как форма богатства в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 93 и др.). Однако в этом значении он выступает не всегда (там же, стр. 93, прим. 14).

³³ Л е н ц м а н, Термины..., стр. 63; К а з а к е в и ч, Рабы..., ВДИ, 1958, № 2, стр. 109.

³⁴ Такой перевод этого места обоснован Я. А. Ленцманом (Термины..., стр. 64) и фигурирует также в издании Геродота у E. Powell'a (Oxf., 1949).

Во «фракийских» разделах VII книги «Анабазиса» Ксенофонта разбираемый термин применяется довольно часто³⁵. Не может быть сомнения, и это уже отметил С. Мулешков³⁶, что речь идет о военнопленных, так как во всех случаях подчеркивается, что *ἀνδράποδοι* появляются у греков или у Севта в результате захватов, нападений на многолюдные деревни, грабежи. Но с точки зрения изучения состояния рабства в Южной Фракии конца V в. до н. э. представляется существенным не столько факт захвата пленных во время военных действий с фракийцами, сколько усиленное выяснение вопроса о том, кем были эти люди — свободными ли земледельцами, попавшими в плен, или же греки заставляли во фракийских деревнях и брали в плен рабов, работающих у фракийцев. Короче говоря, следует ли подразумевать под *ἀνδράποδοι* у Ксенофонта плененного раба или плененного свободного? Думается, что речи о пленении рабов здесь нет. В «Анабазисе» мы затрудняемся найти прямой ответ на этот вопрос, хотя из всего контекста совершенно ясно, что в андраподов обращаются те самые свободные фракийцы из племени тиров, которые сражаются с Севтом и помогавшими ему греками, руководимыми Ксенофонтом; они из числа тех самых людей, которые после победы Севта становятся его подданными (*ὑπήκοοι*) и в которых невозможно усмотреть рабов. Иногда эти самые попавшие в плен называются «людьми», (например, VII, III, 47: *ἔχοντες οἱ ἀνδρῶποιοι*) или просто пленниками (например, VII, IV, 5: *ἀφ' οὗ δὲ τῶν αἰχμαλώτων*), что может служить указанием на нерабский их статус. Однако более четко этот же смысл термина «андрапод» выступает в другом произведении этого же автора. Речь идет о том отрывке из «Греческой истории», где рассказывается о захвате спартацами города Митилены в конце Пелопоннесской войны (Hell. I, 6, 14—15). Из него следует³⁷, что в понятие «андрапод» у Ксенофонта входят вообще пленные, в том числе и члены афинского гарнизона — безусловно свободные. В том же случае, когда ему понадобилось указать, что пленными были именно рабы, Ксенофонт вводит специальный термин — *τὰ ἀνδράποδοι τὰ δοῦλα*, который и следует переводить «пленные рабы». Это дает некоторое основание полагать, что под термином «андрапод» в применении к людям, захваченным во фракийских деревнях, подразумевались свободные фракийцы, попавшие в плен.

В этом отношении у Ксенофонта мы видим продолжение той традиции в понимании термина, которая была отмечена у его предшественников — Геродота и Фукидида.

Второй аспект, которым следует заняться в связи с термином *ἀνδράποδοι* у Ксенофонта, — эта проблема использования андраподов. Что касается греческих солдат-наемников, то совершенно очевидно, что они применяли их с одной единственной целью — на продажу. Это явствует как из контекста «Анабазиса» (и не только фракийских его частей), так и из общих соображений, что ведущие военный, походный образ жизни воины никакой другой цели при захвате военнопленных перед собой не ставили. Однако важно отметить, что и для фракийского царя они играют ту же роль, хотя в конце описания похода греков он владеет уже обширными землями и при желании мог бы использовать пленных как рабочую силу. Текст Ксенофонта использовался в исторической литературе для утверждения о наличии крупных рабовладельцев во Фракии, которые применяли рабов в производстве³⁸. Однако более детальный разбор трех отрывков текста Ксенофонта, где упоминаются андраподы во Фракии, подсказывает иной вывод. В двух первых из них (VII, III, 48 и VII, IV, 1) сообщается о том, что Севт и его наемники-греки захватили во фракийских деревнях около 1000 *ἀνδράποδοι* и множество скота; и тех и другое (добычу — *λεία*) Севт затем послал продать в

³⁵ Х е н., Anab. VII, III, 47; VII, VI, 26; VII, VI, 28; VII, VII, 53.

³⁶ М у л е ш к о в, ук. соч., стр. 159. Этот вывод, однако, нельзя обосновывать исключительно ссылкой на работу Я. А. Ленцмана, который отмечает не только этот смысл термина у Ксенофонта, но подчеркивает и производственный оттенок его у этого автора (Термины..., стр. 67) и вообще считает, что с конца V в. термин употреблялся для обозначения *instrumentum vocale* (там же, стр. 62), — об этом см. ниже.

³⁷ Перевод, которого мы здесь придерживаемся, предложен и обоснован Я. А. Ленцманом (см. Термины..., стр. 65).

³⁸ Определенно в этом смысле высказался А. Милчев (ук. соч., стр. 534) и Д. П. Димитров (Един нов паметник..., стр. 10). Им возражал С. Мулешков (ук. соч., стр. 150).

Перинт, чтобы расплатиться с наемниками. В третьем отрывке (VII, VII, 53) Севт даже не утруждает себя за недостатком времени продажей ἀνδράποδων, а прямо расплачивается ими с Ксенофонтом и его солдатами: «У меня нет денег, но то немногое, что я имею, — один талант — я отдаю тебе, так же как и 600 быков, до 4 тысяч голов мелкого скота и примерно 120 андраподов». Таким образом, здесь пленники используются в качестве меновой стоимости и термин ἀνδράποδων не имеет производственного оттенка. Выступая как воплощение определенного количества богатства, этот термин носит явно инвентарный характер: во всех случаях он фигурирует в стандартных формулах наряду со скотом и другим имуществом. О фракийских рабах как меновой стоимости, используемых для продажи в греческие города, говорят Хр. Данов³⁹ и Д. П. Димитров⁴⁰.

Как известно, исследователи пришли к выводу о том, что рабы определялись термином ἀνδράποδων в тех случаях, когда «доминирует их свойство обмениваться на деньги, их товарная сущность», что термин «зависит не от рода деятельности раба, а от его свойства представлять стоимость, от того, что он является формой богатства»⁴¹.

С точки зрения развития термина ἀνδράποδων фракийские разделы «Анабазиса» дают повод говорить, что смысловое содержание его находится на рубеже между тем, которое в него вкладывали в V в. («пленный», «военнопленный») и в IV в. до н. э. (андрапод как объект обмена, купли-продажи), объединяя их оба. Короче говоря, фракийский ἀνδράποδων, по Ксенофону, — это пленник, превращенный в раба с целью продажи.

Третья группа сведений Ксенофонта о рабах объединяет два отрывка (VII, IV, 24 и VII, VII, 32), в которых фигурирует термин δούλος, противопоставляемый ἐλευθερός. В обоих этих местах речь идет о ранее свободных фракийцах, ставших после завоевания их Севтом его подданными. Особенности этих двух отрывков подробно разобраны нами в другой работе, где делается вывод о нерабской форме зависимости фракийцев, характеризуемых у Ксенофонта этим термином⁴².

Сведения Геродота о продаже фракийцами детей в рабство на чужбину и Ксенофонта о продаже рабов-фракийцев за пределы Фракии находят широкое подтверждение в других источниках, как литературных, так и эпиграфических. К числу их следует отнести рассказ Геродота (IV, 95) о Салмоксисе, который был рабом у Пифагора на острове Самосе. Более достоверен его же рассказ о Родопис (Herod., II, 134—135) — прославленной куртизанке из Навкратиса, рабыне южнофракийского происхождения, современнице поэтессы Сапфо. Фракийской рабыней была мать Фемистокла (Plut., Them. 1; Athen., XIII, 576 c). Логограф Харон из Лампсака (первая половина V в. до н. э.) сообщает, что некий Нарис, бизант по происхождению, в детстве был продан в рабство в город Кардию (Athen., XII, 520 d)⁴³. Несколько надписей, относящихся ко времени утверждения Афин в Эгейской Фракии (VI в.), свидетельствуют о начале массового появления рабов из Фракии в Аттике; число этого рода эпиграфических документов возрастает в течение всего V в. Многочисленные упоминания в аттической комедии о рабах с типично фракийскими именами и появление имени Θραῖττα, ставшего нарицательным для обозначения служанки-рабыни, свидетельствуют об усилении этого процесса. Очень показательны надписи на камне с описью имущества гермокопидов, сделанные в связи с их процессом в Афинах (415—414 гг.), где 60% имен рабов, имеющих указание на этническую принадлежность, фракийские⁴⁴.

³⁹ Данов, Юго-източна Тракия..., стр. 300, прим. 1.

⁴⁰ Димитров, Един нов паметник.

⁴¹ Казакевич, Рабы..., стр. 90—113; G. R. Morrow, Plato's Law of Slavery in its Relation of Greek Law. Urbana, III, 1939, стр. 27; Лейцман, Рабство..., стр. 60.

⁴² Т. Д. Златковская, О формах эксплуатации в европейских раннеклассовых обществах. Фракия, ВП, 1968, № 7, стр. 103.

⁴³ См. об этом подробнее Велков, Рабство..., стр. 27, 32.

⁴⁴ M. Y. Finley, The Black Sea and Danubian Regions and the Slave Trade in Antiquity, «Klio», XL, 1962, стр. 51, 54; Velkov, Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel während der Antike, стр. 125—129; Велков, Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VII—II вв. до н. э., ВДИ, 1967, № 4; он же, Рабство..., стр. 33 сл.

Большинство данных о рабах Фракии в исследуемое время относятся, как отмечалось, к категории свидетельств о работорговле на вывоз — ее объектом становятся не только чужеземцы, но и сами фракийцы. Влияние рабовладельческой Греции выразилось главным образом во включении Фракии в средиземноморскую торговлю (в том числе и работорговлю). Свидетельства о широком экспорте рабов-фракийцев по происхождению в греческие полисы сами по себе могут служить косвенным указанием на слабое применение рабской рабочей силы внутри Фракии.

Сравнение наиболее ранних сведений из наших источников (VII—VI вв. до н. э.), касающихся рабства в самой Фракии, с более поздними (V в. до н. э.) обнаруживает совпадение по весьма существенному вопросу — и те и другие очерчивают довольно узкий круг применения рабского труда, ограниченный главным образом сферой обслуживания. Это обстоятельство дает повод предполагать и небольшой удельный вес труда рабов в процессе производства у фракийцев в периоды, освещенные и теми и другими источниками. Они не содержат данных для утверждения о поступательном движении в развитии рабовладения. Наоборот, они скорее свидетельствуют о его застойности, о том, что как накануне возникновения государства у южных фракийцев, так и в первый период его существования рабовладение не получило здесь производственной значимости.

Этот вывод, как кажется, подтверждается последующим развитием рабовладения во Фракии. Исследователи рабовладения в античном мире в целом и особенно истории фракийских провинций⁴⁵ (в первые три века их вхождения в состав Римской империи: Фракии — с 46 г. н. э., Мёзии — с 15 г. н. э.) отмечают сравнительно малую роль рабов в социальной и экономической истории этой части Империи. Эпиграфические свидетельства о рабах, многочисленные в других провинциях, здесь незначительны. Невелико количество рабов у отдельных владельцев: обычно один-два, реже — три-пять рабов или отпущенников частного лица. Основную часть населения страны составляли свободные фракийцы, самостоятельно обрабатывавшие свои поля. Не менее существенны и другие особенности рабства в дунайских провинциях, отмеченные в этих же исследованиях. Рабы здесь принадлежали лицам, так или иначе связанным с римской администрацией и колонизацией: центрами рабовладения были римские колонии (Апри и Деультум), немногочисленные императорские сальтусы и крупные племенные центры, ставшие городами с peregrinatum правом (Сердика, Пауталия, Ускудама, Берое). В районах с преобладанием местных имен упоминания о рабах и отпущенниках почти полностью отсутствуют.

Характерно и то, что на этом этапе процесс развития рабовладения (как ни ограничен он был с общеимперской точки зрения) в самих фракийских провинциях шел с различной степенью интенсивности и имел различные масштабы. Между Дунаем и Балканами — в Нижней Мёзии — он проходил значительно быстрее и охватывал гораздо более широкие слои населения, чем к югу от Балканских гор, в провинции Фракии. В первой из них он прослеживается сначала в надписях, упоминающих рабов из поселений при военных лагерях на Дунайском лимесе, затем в надписях из дунайских городов и плодородных речных долин, свидетельствующих о наличии на частных землях (villa, praedia) ветеранов и муниципальной знати рабов, число которых иногда дости-

⁴⁵ Д а н о в, Към история на робството в древна Тракия, стр. 416 сл.; Г е р о в, ук. соч., стр. 23—27, 30—34; Д. П. Д и м и т р о в, Тракия под римска власт, «История на България», София, 1961, стр. 35; В е л к о в, Робството..., стр. 64—113; V. V e l k o v, Die Sklaverei in Nordbulgarien in der römischen Kaiserzeit, «Acta Antiqua Philippolitana. Studia historica», Sofia, 1963, стр. 34—39; о н ж е, Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel während der Antike, стр. 136—138; Е. М. Ш т а е р м а н, Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, № 2, стр. 97 сл.; о н ж е, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, стр. 227, 248—254; А. П. К а ж д а н, О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, стр. 84—85; Т. Д. З л а т к о в с к а я, Мёзия в I—II вв., М., 1951, стр. 7—22; о н ж е, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, ВДИ, 1955, № 2, стр. 85—86.

гало 10—15 человек; здесь возникали и императорские сальтусы, на которых применялся труд рабов; можно предположить участие рабов и в деятельности крупных ремесленных мастерских. В отличие от пограничной и стратегически важной Мёзии, во Фракии колонизация земель ветеранами и лицами из римской администрации была незначительной; как правило, здесь не было сколько-нибудь большого числа крупных вилл и мало императорских сальтусов; весьма сомнительна возможность применения труда рабов в мелких ремесленных мастерских, характерных для Фракии. Если пренебречь теми соображениями, которые были высказаны выше о слабом развитии рабовладения во Фракии VII—V вв. до н. э., и допустить, что проникновение рабовладельческих отношений было здесь значительным, то естественно было бы полагать, что именно в доримской Фракии, где чуть ли не на пять веков раньше возникло государство, должны были бы существовать более развитые формы рабовладения, чем в Мёзии. Между тем, как это выяснено, ничего подобного здесь отметить нельзя: Фракия и в римское время оставалась провинцией со сравнительно слабо развитыми рабовладельческими отношениями. Более высокий уровень развития рабовладения в Мёзии определялся степенью романизации, ее стратегическим и экономическим значением для Империи, т. е. объяснялся факторами, привнесенными римским завоеванием извне. Слабое развитие рабовладения во Фракии VII—V вв. до н. э. сочеталось с эксплуатацией свободных тружеников царем, родовой и служилой знатью, разбогатевшими соплеменниками. По этим взаимоотношениям проходила в этот период основная линия классовых различий⁴⁶. Подобную расстановку сил можно отметить во многих раннеклассовых обществах⁴⁷, в том числе и в тех, которые развивались в государства с высоко развитым рабовладением. Классовые противоречия составляют довольно подвижную систему, при которой в различные эпохи по-разному расставляются акценты. Так, рассматривая процесс сложения классического рабовладельческого Афинского государства, Ф. Энгельс считает нужным подчеркнуть, что до реформы Клисфена классовый антагонизм был антагонизмом между знатью и простым народом; лишь после того как завершилось сложение Афинского государства классовым антагонизмом стал антагонизм между рабами и свободными⁴⁸.

Подводя итог классовообразованию у античных народов (греков и римлян) в период высшей ступени варварства, Ф. Энгельс отмечает: «Различие между богатыми и бедными выступает и а р я д у (разрядка моя. — Т. З.) с различием между свободными и рабами»⁴⁹. Эта же мысль высказана им в этой же работе еще раз, когда он говорит о разделении свободных на классы в соответствии с их имущественным положением, и а р я д у с громадным увеличением рабов, особенно в Греции⁵⁰. Таким образом, Ф. Энгельс указывает на то, что на начальном этапе классовообразования различие между богатыми и бедными, так же как различие между свободными и рабами, — параллельные (или могут быть таковыми) явления.

Дальнейшее развитие фракийского государства, а также включение Фракии в систему крупных рабовладельческих государств (Македония, Рим) придали больший вес рабовладению и усилили антагонизм между свободными и рабами.

Т. Д. Златковская

⁴⁶ Златковская, О формах эксплуатации..., стр. 101—117.

⁴⁷ Г. А. Меликшивили, К вопросу о характере древнейших классовых обществ, ВД, 1966, № 11, стр. 65—69; С. Я. Лурье, Язык и культура Микенской Греции, М.—Л., 1957, стр. 214—242, 269—280; Лейдман, Рабство..., стр. 179—182; К. К. Зельин, Борьба политических группировок в Аттике, М., 1964, стр. 208; Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1949, стр. 108; А. П. Немыцкий, К вопросу о рабстве в раннем Риме, «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1960, вып. 4, стр. 206 сл.; Р. Гюнтер, Социальная дифференциация в древнейшем Риме, ВДИ, 1959, № 1, стр. 52 сл.; А. И. Немыцкий, Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956, стр. 14, 32, 52—53.

⁴⁸ Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 119.

⁴⁹ Там же, стр. 163.

⁵⁰ Там же, стр. 167.

THE CHARACTER OF SLAVERY IN THRACE IN THE SEVENTH TO FIFTH CENTURIES B. C.

by T. D. Zlatkovskaya

After studying the testimony of Homer and the ancient literary tradition the author comes to the conclusion that slavery was little developed inside Thrace, where slave labour was employed mainly in domestic work and waiting upon the nobility. But the export of slaves to other countries was highly developed, which may be explained both by internal factors (social and property differentiation, the economic disruption of the communes) and by the large demand in the slave markets of the Greek cities surrounding Thrace.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕГРЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ *

В истории экономики греческих полисов архаического периода существует еще много нерешенных проблем и неясных моментов. Основной причиной этого является недостаточная полнота наших источников по тем или иным вопросам истории данного периода, а порой и их полное отсутствие. Очень часто события ранних времен доходят до нас лишь в искаженной передаче авторов поздней эпохи, на сообщения которых зачастую вообще нельзя полагаться. Лапидарные эпиграфические памятники археологической поры, довольно содержательные с точки зрения истории религии, политических и дипломатических связей и т. д., об интересующем нас вопросе, как правило, умалчивают. За неимением других источников исследователи вынуждены обращаться к материалам нумизматики и археологии. Однако отдельные категории архаических памятников, как, например, керамика, хотя и являются объективным источником, но допускают при этом различную историческую интерпретацию и служат порой основой для неверных выводов. Так, присутствие в ряде поселений ремесленных изделий из других центров, к примеру родосских, еще не может говорить о непосредственных торговых контактах данных поселений с Родосом, поскольку мы знаем, что в это время функцию непосредственных импортеров изделий одних полисов (в нашем примере — родосской керамики) могли принимать на себя купцы-эмпоры из других греческих городов, например из Милета¹. Поэтому такое важное значение приобретает еще один разряд письменных источников, к сожалению, мало у нас используемый, — я имею в виду архаические греческие граффити.

Все высказанные замечания о состоянии наших источников периода архаики в гораздо большей степени относятся к истории полисов Северного Причерноморья. Изучение этого района имеет отнюдь не локальное значение для отечественной науки. Напротив, как это будет показано далее, выяснение характера и условий производства в северопонтийских полисах, а также характера их торговых связей со всем греческим миром приобретает для последнего в отдельных случаях исключительное значение. Поэтому в данной работе автор поставил себе целью на основании анализа новых эпиграфических документов из Северного Причерноморья постараться разобраться в отдельных вопросах раннегреческой экономики, не нашедших еще удовлетворительного решения.

* Настоящая статья написана по материалам доклада, прочитанного на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР 4 февраля 1970 г. Автор приносит свою благодарность всем товарищам, участвовавшим в обсуждении, ценные замечания которых он использовал в своей работе.

¹ См. К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951, стр. 166.

Я хотел бы исследовать в этом аспекте две новые неизданные надписи из разных греческих поселений северного берега Понта. Первая из них найдена на о-ве Березани в 1963 г. при раскопках экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством К. С. Горбуновой². Это — граффито на внешней стороне стенки понийского килика первой половины VI в. до н. э., покрытого лаком красного цвета и украшенного пурпурными поясками. Сохранилось два фрагмента, которые не сходятся друг с другом, но, судя по криватуре профиля, фрагмент *b* располагался под фрагментом *a* (рис. 1). На

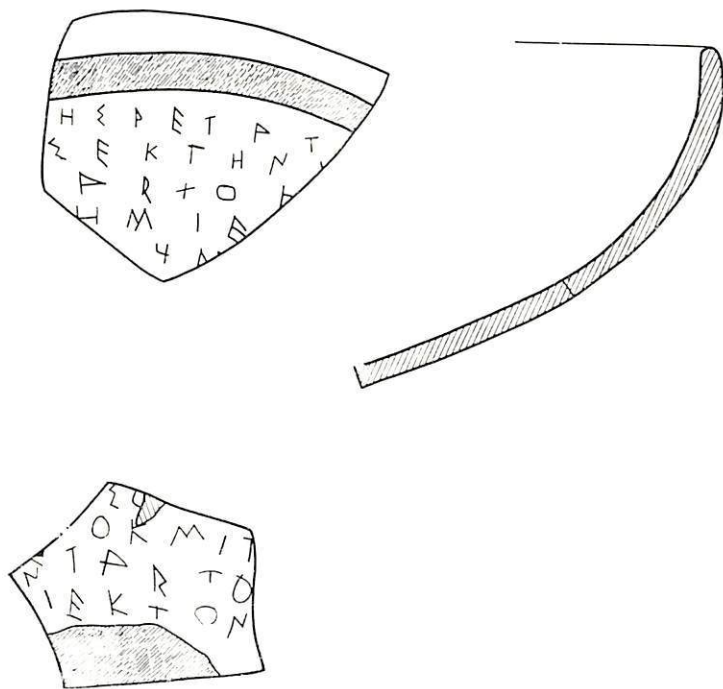

Рис. 1. Граффито с о. Березани, первая половина VI в. до н. э.

большем черенке сохранилось 5 строк (24 буквы), на меньшем — 5 строк (20 букв), т. е. текст состоял, по крайней мере, из 9—10 строк. Сильно фрагментированную надпись все же удается более или менее полно восстановить. При этом я исходил из того, что документ довольно однороден по структуре. Я предлагаю следующую реконструкцию текста:

fr. a 1. ἐπὶ ὧλ] ἡσα ἐτ' ἀτ [ελέε (?)

— — —] εἰκτῆν

— — —] ἄρχο ἡ μίεχτον

τὸ δεῖνος] ἡμ[εχτον

5. τὸ δεῖνος] ἡμ[εχτον

fr. b 1. — — — σο — — —

— — — σχμ[τ (?) — — —

εἰχο] σι ἄρτο

ἡμ[εχτο] ν (?) νας.

5. τὸ δεῖνος ἡμ[εχτον.

fr. a, стк. 1 — первые три буквы — несомненно сигматическое окончание глагола в аористе; единственный наиболее подходящий глагол, который удастся подыскать, — это глагол πωλέω. Последующая группа из 4 букв только тогда даст приемлемые для греческого языка морфемы, если она будет разделена пополам. Первая часть может

² Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность К. С. Горбуновой, предоставившей надпись в мое распоряжение.